

РОЛЬ ПРОЗЫ ТИМУРА ПУЛАТОВА В СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ибрагимова Мохира

Магистрант – 2 курса Ферганского Государственного Университета

Аннотация: Проза Тимура Пулатова отличается рядом постоянных и неизменных признаков: небольшой размер повестей и романов, ограниченное количество действующих лиц, связанных общими интересами; разработкой банальных сюжетных линий и, наконец, наличием проблем, тем и мотивов, переходящих из одной книги в другую. Оригинальность этим произведениям придаёт необычность ракурсов художественного видения прозаика, важность авторского отношения к изображаемому материалу.

Ключевые слова: проза, произведения, главные герои, сюжет, темы и мотивы.

Когда литературоведы третьего тысячелетия станут пристрастно и дотошно исследовать феномен Пулатова, первое, что заведёт их в тупик, вокруг чего будут ломаться испытанные в критических баталиях копыя – это всё та же вечная проблема соотнесённости личности творца и общественного резонанса его творений, масштабов отпущенного человеку креативного дара и его умения прагматически им распорядиться, траектории пересечения судеб автора и героев его литературных сюжетов. Иными словами, исследователей, вооружённым всем техническим великолепием компьютерной эры потребления, станет волновать совсем простой, на бытовом уровне вопрос: каким это неведомым образом – через веру, знание или интуицию, через транс само погружения – даётся человеку потрясающее чудо перевоплощения, сопереживания, сострадания не только

к другому человеку, но и к варану, черепахе, коршуну, наконец, ко всей великой Пустыне.

Пустыня как душа, душа как пустыня – вот, на мой взгляд, главный нерв, пронизывающий невыразимой болью всё творчество выдающегося писателя современности, во многом загадочного, мистического, а между тем феномен Пулатова крайне сложен и внутренне противоречив., многослоен, многогранен, неоднозначен. Конечно же, при желании в его самобытной творчестве можно услышать мотивы или хотя бы нотки Гофмана, Кафки, Соловьёва, Платонова, Хармса, Ионеско, Вагинова, Заболоцкого, Воннегута, Беккета, Фицджеральда, Рабле, отголоски художественных приёмов плутовского авангардного романа путешествий (Сервантес, Стивенсон, Дефо, Вийом), жанра гротеска (Щедрин, Свифт, Франс), мистически исповедальной психологической прозы (Гофман, По, Достоевский), и, наконец, древнейших традиций Востока со всей отшлифованной веками изысканностью мистических озарений адептов ориентализма. Но Пулатов самодостаточен! Его творчество, опровергая известную поговорку о различии западной и восточной культур которая вошла в оборот от «*Баллады о Востоке и Западе*» английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга (Rudyard Kipling, 1865 – 1936), где в первом куплете сказано: что «Запад есть Запад. Восток есть Восток, и вместе им не сойтись», перекидывает между ними волшебный мост дружеского взаимопонимания, и это по плечу именно ему, так как в творческой судьбе и личности автора, русскоязычного писателя из легендарной Бухары, доминантой служат как идеи евразийского космизма (Фёдоров. Брюсов, Блок. Гумилёв, Флоренский, Лосев, Зулфикаров, Сулейменов), так и гуманизма самой высокой интернациональной нравственной пробы. Феноменальность творчества Пулатова заключается в том, что оно стало

своеобразным транслятором между двух культур¹ : понимая обе, живя в них, писатель способен донести до реципиентов иного образа жизни, иной ментальности наиболее значимые слагаемые своей культуры, не всегда адекватно воспринимаемой представителями другого народа. Аспекты картины мира Востока, запечатленные в произведениях писателя, – дом, двор, дерево (виноградник), еда, деньги, базар, город, ландшафт, мотив превращения, коранические образы – сходятся в одной точке – в герое Пулатова, представленного от детства (всех его стадий) до старости. Путь, проходимый героем, – духовный поиск, сродни поиску дервиша, ставшего архетипом инвариантного образа Пулатова.

В своей работе Э. Ф. Шафранская «Мифопоэтика прозы Тимура Пулатова: Национальные образы мира» определяет каким методом пользуется Тимур Пулатов при создании всех произведений одно - вытекает или порождает последующее. У древних арабских рукописях, когда еще не было традиции нумеровать страницы, существовал обычай выписывать первое слово текста последующего листа отдельно в нижнем колонтитуле слева, чтобы нанизать текст и соблюсти порядок смысла, тем, последовательность в изложении [3 : 51-55].

Это принцип **силсила - традиция мусульманской культуры. В средневековом дискурсе у этой традиции было не только практическое, но и символическое значение - наследование и передача духовного знания. Традиция эта никогда не прерывалась: возникнув задолго до ислама, будучи адаптирована исламом, она продолжает жить по сей день [Там же: 54]. Если выстроить хронологически художественные тексты Пулатова, то обнаружится соблюдение традиции **силсила**, все однажды появившиеся образы нанизываются от текста к тексту, повторяясь, но в каждом последующем тексте поворачиваясь иной гранью. Деталь**

¹ «Не знаю, можно ли тебя назвать русским писателем, но русским прозаиком назвать можно. Узбекский прозаик Тимур Пулатов не существует. Узбекский писатель - в какой-то мере... Но прозаик ты русский»; «Вообще как предмет специального филологического исследования ты пример и исключительный, и благодарный...» [5: 336-337], - пишет Андрей Битов.

контекста (например, холм, замок), вошедшая в фокус зрения персонажа в финале одного произведения («Второе путешествие Каипа»), становится экспозицией идущего вослед другого («Сторожевые башни»). Ироническая метафора и словесная игра с деталью в финале романа «Страсти бухарского дома»: «Ты не слышишь, как издалека идет гул **землетрясения!**» становится впоследствии сюжетообразующей в романе «Плавающая Евразия», где весь контекст пропитан ожиданием землетрясения, прогнозируемого кораническим пророком. Читатель расстается с героем трилогии «Страсти бухарского дома», когда он высказывает желание улететь в космос — а в романе «Плавающая Евразия» герой совершает такой полет по аду, раю и чистилищу. Упоминаемая почти в каждом тексте **черепаха** в результате становится главным объектом повествования в романе «Черепаха Тарази», и лишь в романе «Плавающая Евразия» черепаха не упомянута, но заглавие романа — это перифраз черепахи, подготовленный предыдущим творчеством писателя. Ни у какого другого писателя не встретишь упоминаемой в каждом тексте детали **«ворота»**, нагруженной философской и этнокультурной семантикой, сакрального описания **виноградника, песка** как экзистенциального слагаемого быта и бытия и т. д.

Принцип **силсила** применительно к творчеству Пулатова — это метафора, которая «работает» как продолжение мусульманских, фольклорно мифологических традиций в современной литературе.² Этот принцип творчества Пулатова, на наш взгляд, не всегда носит рациональный характер, - это, скорее, импровизация, реализация подсознательного, сопряженная с проблематикой психологии творчества. Не только автор движет и развивает свой текст, но сам текст, материализуясь, движется по своим внутренним законам, питаясь энергетикой мирового дискурса. А

² Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX-XXI вв : дис. — Волгоградский государственный педагогический университет, 2008.

всякое восприятие и толкование художественного текста – лишь один из возможных вариантов представление о востоке как колыбели человечества [2 : 310] сопряжено с древними формами словесности: мифологией, фольклором. Они - главный источник творчества Пулатова, в них ярче представлены национальные образы мира, поэтому фольклоризм и мифологизм так очевидны в текстах писателя. Говоря о разновидностях мифологизирования в литературе XX в., Е.М. Мелетинский выделяет писателей, «для которых мифологические традиции еще являются живой подпочвой национального сознания, и даже многократное повторение тех же мифологических мотивов символизирует в первую очередь стойкость национальных традиций, национальной жизненной модели» [16: 298].

Судьбы персонажей Пулатова выстраиваются в некий инвариант единой судьбы. Его герой представлен в разных возрастных категориях, проходит путь от рождения до смерти. Этапы пути героя не суммируются от текста к тексту, а варьируются: имена, род занятий, хронотоп существования, нравственно этический выбор. Герой Пулатова, помещенный в мир земных, реальных предметов и вещей, далек от быта. Олеандр и виноградник, растущие во дворе, детская копилка-черепашка, еда/хлеб, камень под ногами, песок, поднявшийся ветром в воздух, продающиеся на базаре ягоды облепихи, соседские ворота — все видится герою (будь он ребенок или старик) не своей утилитарной функцией, не повседневностью – все одухотворено, вписано в потаенный смысл, полный глубокого значения. Главные герои в произведениях писателя не обременены каким-либо конкретным занятием: учеба, служба, работа, наука, если и присутствуют в биографии героя, то как фон, как возможность для осмысления себя, природы, любой рукотворной вещи как части природы и мира.

Список литературы

1. Битов, А. Романтизм и опыт / А. Битов // Т.И. Пулатов. Собр. соч.: В 4-х т. - М., 1995-1999.-Т. 4. - С. 334-351.

2. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. - М.: Наука, 1976. - 407 с.

3. Пиотровский, М.Б. Салих / М.Б.Пиотровский // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. - М.: Сов. энциклопедия, 1992. - Т. 2. - 404 с.

4. Шафранская, Э Ф Мифопоэтика прозы Тимура Пулатова Национальные образы мира /Э Ф Шафранская — М Едиториал УРСС, 2005 —160 с